

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Культура народов Зарубежной Азии. «Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого», т. XXIX, Л., 1973, 250 стр.

Настоящий сборник, третий за последние годы, составлен из статей, знакомящих читателя с коллекциями МАЭ по народам зарубежной Азии. Ответственный редактор, как и в предыдущих двух,—Р. Ф. Итс; сборник подготовлен сотрудниками Института этнографии АН СССР. Рисунки к статьям выполнены Т. Л. Юзепчук, фотографии — В. А. Балахновым.

Сборник открывается статьей Д. И. Тихонова, в которой на больших архивных материалах и публикациях по истории русского и советского востоковедения показано, как в XVIII в. по указу Петра I собирались восточные коллекции Кунсткамеры, а затем, с увеличением нумизматического и рукописного фонда, в XIX в. был создан специальный Азиатский музей. Позднее, в 1930 г., Азиатский музей, а также другие небольшие востоковедные центры (Коллегия востоковедов, Тюркологический кабинет и др.) были объединены в единый центр — Институт востоковедения Академии наук СССР, где разрабатываются вопросы языка, литературы, истории, экономики народов Востока. Ясность изложения, большой фактический материал делают эту статью ценным справочным пособием для историка науки.

Большинство последующих статей сборника построено на богатых материалах музейных коллекций. Так, статья В. С. Старикова «К вопросам происхождения и развития традиционных средств передвижения северных китайцев (по коллекциям МАЭ и полевым материалам)» рассматривает все виды средств передвижения и транспорта у этой части населения Китая. Автор во вводной части предлагает свою убедительную классификацию этой важной составной части материальной культуры китайцев. На основе этой классификации дается и дальнейшее, очень детальное описание средств передвижения и транспорта, дополненное хорошо подобранными иллюстрациями. В ряде случаев, где для этого есть возможность, автор стремится показать происхождение тех или иных видов транспортных средств. В статье есть отдельные небольшие погрешности. Так, на рис. II (колл. № 5956-10 Государственного музея искусств народов Востока) изображена тачка, которая определена автором, как «тачка для сыпучих грузов». То же сказано и в тексте (стр. 44). Однако либо неверна интерпретация автора, либо в модели не хватает какой-то важной детали, так как при движении такой тачки сыпучий груз неминуемо высыпается на землю. В целом же публикация хорошо систематизированных и классифицированных музейных коллекций — бесспорная удача автора.

К публикациям коллекций МАЭ по материальной культуре народов Востока принадлежит и статья Р. А. Ксенофонтовой, в которой детально рассмотрены пути собирания коллекций МАЭ по японской керамике и фарфору, прослежены основные тенденции развития керамической продукции Японии. Р. А. Ксенофонтова не ограничилась описанием соответствующих коллекций МАЭ. Проанализировав изделия, она по ряду признаков (технические и художественные особенности) выделила в этих коллекциях изделия из следующих фарфорово-керамических центров Японии: Арита-Сага, Хирадо, Сагума, Танатори (о. Кюсю), Сэто-Овари, Мино, Киото, Кутани, Бидзен, Банко, Акахада (о. Хонсю). В статье приводятся также (там, где они есть на изделиях) марки некоторых керамических мастерских. Иллюстративный материал подобран четко и дает представление об изделиях, наиболее типичных для этих мастерских. Все это делает статью Р. А. Ксенофонтовой незаменимым пособием для музейных работников, которым она окажет большую практическую помощь при определении японских керамических и фарфоровых изделий. Пока это единственная работа такого рода в нашей литературе.

В статье Н. Г. Краснодембской описана цейлонская коллекция МАЭ, собранная в 1914—1918 гг. экспедицией Академии наук в составе двух ученых — Л. А. и А. М. Мерварт. Экспедиция работала в Индии и на Цейлоне (совр. Шри Ланка). С Цейлона, где исследователи пробыли с 25 мая 1914 г. по конец января 1915 г., в МАЭ было привезено около 500 предметов. Они объединены в 20 коллекций, которые представляют различные стороны культуры и быта сингалов, а также знакомят с сельским хозяйством и ремеслом. Н. Г. Краснодембская не ограничивается перечислением и описанием предметов из коллекций, а на основании музейных вещей и описаний Л. А. Мерварта как бы воссоздает характерные черты жизни обитателей Цейлона в первые десятилетия нашего века.

Е. В. Иванова в статье «Таиландские вещи в МАЭ» (стр. 200—226) дает описание имеющихся в музее коллекций, распределив предметы по группам (рыболовные орудия, предметы быта, музыкальные инструменты, деньги, предметы вооружения война, книги, предметы культа). Однако, к сожалению, не указано общее количество вещей, да и описание коллекций носит формальный характер.

А. М. Решетов в статье «Тибетская коллекция МАЭ (Духовная культура)» завершил начатую в 1966 г. публикацию тибетского фонда МАЭ. Как известно, духовная культура населения Тибета теснейшим образом связана с ламаизмом — северной ветвью буддизма. Его сюжеты и представления буквально пронизывают все области духовной культуры, что очень конкретно показано в статье А. М. Решетова на примерах скульптуры, живописи, музыкальных инструментов и т. п. К сожалению, эта конкретность в подаче материала выдержана не всегда. Так, известные специалистам очень общие сведения о мистерии «цам» не подкреплены материалами из коллекций МАЭ, хотя таковые имеются. Статья распадается на литературные данные и описания вещей. Лучше было бы выдержать единый принцип в подаче материала (стр. 238, 239). На стр. 231 «цаца» определяются как «глиняные рельефные фигурки божеств». Определение неполно, так как «цаца» не только рельефная фигурка божества, но часто модель субургана (они бывают различной формы, разной окраски).

Своеобразным явлениям духовной культуры корейцев, батаков и кхмеров посвящены статьи Ю. В. Ионовой, Е. В. Ревуненковой, И. Г. Косикова.

Ю. В. Ионова в статье «Погребальные обряды корейцев» на материалах коллекций МАЭ, данных письменных источников и литературы продолжает исследование религиозных верований, связанных с загробной жизнью. Сопоставление материалов позволяет автору классифицировать погребальный обряд по социальным группам, причем, как установлено Ю. В. Ионовой, у социально неравноправных в недавнем прошлом групп «ноби» (рабы, зависимые) погребальный обряд сохранил архаические черты, присущие ранним стадиям развития религиозных верований корейцев. Автор на примере погребального обряда раскрывает истоки сложных и очень древних представлений, связанных со смертью, загробной жизнью, культом предков и т. п. Она проводит широкие аналогии с соседними и территориально отдаленными народами для подтверждения стадийности описанных явлений. Это делает статью шире и интереснее в теоретическом плане, хотя иногда отсутствие четких ссылок на источники сведений о монгольских народах снижает убедительность этих аналогий (стр. 82, 83).

Статья Е. В. Ревуненковой посвящена уникальной коллекции магических батакских жезлов, хранящихся в МАЭ. Не ограничиваясь описанием вещей и вырезанных на них многофигурных композиций, автор детально рассматривает легенды и мифы, этимологические толкования имен героев мифов, функции жезлов, систему художественных средств, применяемых при их изготовлении. Проанализировав все данные и сопоставив гипотезы различных исследователей, Е. В. Ревуненкова приходит к выводу, что магические батакские жезлы генетически связаны с культом предков, тотемическими культурами, а по функции примыкают к фетишистскому культу, связанному с представлениями о вредоносной или предохранительной магии (стр. 199). Соглашаясь в целом с выводами автора статьи, хочется лишь заметить, что культ предков является дальнейшим развитием (в иной исторической ситуации) тотемических культов; только с переходом к позднему, генеалогическому роду культ предка-животного — тема — постепенно заменяется персонифицированными, реальными предками. А предохранительная и вредоносная магии составляют неразрывное, диалектическое единство, вытекающее из четкого деления на свои и чужие роды, «мы — они» (то, что предохраняет «нас», вредоносно для «них»). Досадной опиской является передача в русской транскрипции фамилии R. Heine-Geldern'a как Гейне-Хелдерна; более правильно Хайне-Гельдерн или привычно Гейне-Гельдерн (стр. 194).

С. А. Маретина опубликовала статью, посвященную резному деревянному панно с о. Бали. Эта работа завершает ее публикации, опирающиеся на коллекции МАЭ, по прикладному искусству резьбы по дереву у народов Индонезии (стр. 172—182).

Статья И. Г. Косикова касается малоизученной темы — кхмерского театра теней. Автор во время стажировки в Камбодже (1966—1968 гг.) приобрел коллекцию кожаных кукол для теневого театра (персонажи малого театра теней), которую подарил МАЭ; сделаны фотографии процесса изготовления кукол. И. Г. Косиков собрал у информаторов исчерпывающие сведения о теновом театре, сортах и обработке кожи, дубильных веществах, инструментах, употребляемых для изготовления кукол, музыкальных инструментах, сопровождающих зрелище. Весь этот материал, свежий и оригинальный, лег в основу статьи, рассматривающей два основных компонента театра теней: фигуры театра теней и музыкальные инструменты (стр. 133). Статья снабжена кхмерской терминологией, записанной у информаторов и сверенной со словарем. Театр теней автор справедливо считает одним из важных элементов традиционной национальной культуры Камбоджи (стр. 132). Высокий научный уровень статьи еще раз показывает, что одним из главных методов работы этнографа продолжает оставаться непосредственное наблюдение, полевая работа в изучаемой стране.

Н. Л. Жуковская в статье «Мандала как предмет ламаистского культа» (стр. 71—79) сделала попытку вскрыть полисемантическую важность ритуального предмета, представляющего собой зашифрованную диаграмму вселенной в ее буддийском понимании. С этой целью рассмотрены символика изображения на мандала, параллели между мандала и мегалитическими сооружениями астрономического назначения (типа Стоунхенджа в Англии), а также взаимосвязь структуры мандала как «жилища бога» с известной концепцией «жилище — модель вселенной», разработанной А. Леруа-Гу-

раном и прослеженной на материалах многих народов мира. В качестве иллюстрации приводится снимок одного мандала из коллекции МАЭ и дано его краткое описание.

В целом рецензируемый сборник представляет несомненный интерес как широкой постановкой важных проблем истории культуры народов зарубежного Востока, внесших своеобразный и весомый вклад в культуру человечества, так и анализом этих проблем.

Л. Л. Викторова

А. Д. Бурман. Бирманская драма середины XIX века. М., 1973, 143 стр.

Когда в книге, посвященной бирманской драме, тщательно анализируются сюжет, композиция и изобразительные средства пьес отдельных драматургов, то это вполне закономерно и естественно; по существу работы подобного рода могут ограничиваться только названным кругом вопросов. Но если автор попутно затрагивает проблемы происхождения бирманской драмы и театрального искусства Бирмы, исследует роль буддизма в формировании театральных жанров, а также анализирует взаимодействие различных культур (индийской, бирманской, сиамской) и религиозных представлений (буддизма и народных бирманских верований), то такая книга привлекает уже не только литературоведа, но и этнографа-религиоведа, и историка театра. Книга А. Д. Бурмана отличается своей двойкой литературно-этнографической направленностью; в ней прослеживается развитие бирманской драматургии от ее зарождения до становления национальной драмы; широко охвачены многие вопросы культуры средневековой Бирмы. Именно поэтому она в равной степени интересна и полезна как филологу, так и этнографу.

Много внимания в работе уделено исследованию творчества крупнейших бирманских драматургов — У Чин У и У Поун Ня. Читатель узнает содержание ряда бирманских драм, получает представление о сюжетных ходах, канонических ситуациях, о литературных источниках драмы, о сочетаниях в ней элементов фольклорно-эпической традиции с элементами книжности и придворной культуры. Автор иллюстрирует свои положения отрывками из бирманских литературных произведений в прекрасных переводах. Серьезный и вполне самостоятельный раздел представляет собой та часть, где разбирается стихотворная система пьес, затрагиваются вопросы бирманского стихосложения в целом и дается рифмовая схема драм. Такой анализ чрезвычайно важен, если учесть, что в нашем распоряжении имеется мало материалов по бирманской литературе.

Остановимся лишь на затронутых автором проблемах бирманской драматургии, которые вызывают ассоциации и типологические параллели со сходными явлениями в малайско-индонезийской литературе и во многом касаются общих проблем культуры Юго-Восточной Азии. К ним относится, например, проблема взаимодействия двух культур — индийской и соответственно бирманской, сиамской или малайской, нашедшая свое отражение в трансформации древнеиндийского эпоса «Рамаяна». Автор довольно подробно говорит о постановке сиамской версии «Рамаяны» — «Рамакиен» на бирманской сцене. Отмечаются и изменения, которые претерпела «Рамаяна» в Сиаме: Рама предстает более человечным и благоразумным, большую роль стал играть Хануман, он выдвинулся на одно из первых мест после Рама. Кроме того, в книге подчеркивается, что в пьесе отразились магические обряды буддийского происхождения (стр. 24—25). Сходным путем шла трансформация образа Рамаяны и в Малайе. Более того, некоторые конкретные изменения сюжетов и образов эпоса в этих двух странах совпадают до деталей. Главный герой в индонезийской «Рамаяне» («Сказании о сери Раме») — Лакшман (индонез. Лаксамана), брат царевича Рама. Он истинный и бесстрашный воин, рыцарь и аскет. Образ Рама в народном сознании с течением времени постепенно терял свои героические черты и в средневековом произведении «Малайская история» («Седжарах Мелаю») приобрел уже совсем юмористическую окраску, во многом слившись с образом шута — персонажа малайского кукольно-теневоего театра. Заметим, однако, что в собственно театральных пьесах по мотивам «Рамаяны», чрезвычайно популярным в Малайе, образ Рама не трансформировался столь существенно, как в литературе. Изменилась также трактовка других образов эпоса. В малайском варианте «Рамаяны» отсутствует глубокое философское, религиозное и этическое содержание великого произведения Индии. В Малайе была воспринята лишь сюжетная канва «Рамаяны», которая постепенно, на протяжении веков, пропитывалась элементами малайского фольклора и насыщалась древнейшими представлениями малайцев (сюжеты о царе-рыбе Джанданге, о ядовитом слепом Бута Биса, о превращении Рама и Ситы в обезьян и т. п.). Все «Сказание о сери Раме» изобилует этнографическими подробностями из жизни малайцев¹. Поскольку в книге А. Д. Бурман затронут вопрос о постановке сиамской драмы в Бирме, хотелось бы знать, какие изменения претерпел вариант «Рамаяны» на бирманской сцене, если таковые были.

¹ «Сказание о сери Раме», М., 1961, стр. 5—13.